

**PARANOIA PRIMARIA:
ДИНАМИКА БОЛЕЗНИ АРДАЛЬОНА БОРИСОВИЧА ПЕРЕДОНОВА
В СВЕТЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО МЕТОДА**

Внимание к психологическому и психопатологическому аспекту творчества Ф. К. Сологуба оправдано не только интересом самого писателя к психическим расстройствам, истокам их возникновения и роли пороков в формировании разных клинических случаев, но и поразительной точностью, с которой они описываются. Успех «Мелкого беса» у читателей и исследователей, для которых данный текст является неисчерпаемым источником интерпретаций, обусловлен многослойностью и сложностью организации, переплетением мифологических, мистических, социальных, философских уровней романа. Подобная «прехитрая вязь» требует анализа каждой отдельной нити, и в данном случае интересующей нас небольшой, но важной частью является «случай» и то, каким образом он актуализируется в тексте.

Как отмечала М. М. Павлова, влияние французского натуралиста Э. Золя,¹ чьи романы были популярны в России уже в 1870-х, занимает немаловажное место в творчестве Сологуба. Фигура Золя в литературной жизни второй половины XIX века была значительной не только благодаря прозаическому творчеству, нашедшему отклик у русской публики, но и своей деятельности корреспондента. Из-под пера Золя в период с 1875 по 1880 год в «Вестнике Европы» вышло 64 очерка, которые представляли собой материалы о культурной жизни Франции и законченные художественные произведения разных жанров: новелл и рассказов, освещающих современные нравы.² Программная статья «Экспериментальный роман» (1879) впервые появилась там же, в числе прочих «Парижских писем». Социально-критические работы Золя были встречены благожелательно, но его попытка сблизить науку и литературу, как и провозглашение необходимости эксперимента в художественном тексте, вызвала волну критики.

В своем эссе Золя выборочно переносит тезисы «Введения в изучение экспериментальной медицины» (1865) Клода Бернара на почву литературы, утверждая, что будущее за поэтом-экспериментатором, который способен проникнуть в механизмы человеческого интеллекта, чувств, страстей. Основу метода Золя также заимствует у Бернара: наблюдаемое явление, порожденное действительностью, по мнению Золя, по аналогии с экспериментом должно приходить в движение по воле писателя, который направляет и контролирует его в соответствии с собственным замыслом, цель и задача которого — объективное исследование порока.

Критика Н. К. Михайловского и других³ обоснованно выражает сомнения в серьезности научных изысканий Золя, однако его взгляд на патологию, физиологию и мораль, его стремление к пониманию поведенческих стратегий и надежда на то, что именно искусство способно стать ключом к пониманию механизма появления тех или иных девиаций, а следовательно, и к контролю над ними в будущем, оказываются актуальными. Свой подход к литературе Золя нарекает научной психологией, дополняющей научную физиологию.

Направляющая сила науки, проникающая во все сферы жизни, в позитивистскую эпоху была отмечена Золя справедливо. Так, развитие психологии, которая, по сравнению с другими науками, в XIX веке только обрела статус самостоятельной дисциплины

¹ Павлова М. М. Преодолевающий золяизм, или Русское отражение французского натурализма // Русская литература. 2002. № 1. С. 211–221.

² Подробнее см.: Есин Б. И. Парижские письма Э. Золя в журнале «Вестник Европы» // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2014. № 6. С. 115–127.

³ О критике М. Нордау, К. К. Арсеньева, Н. К. Михайловского подробнее см.: Николози Р. Эксперименты с экспериментами. Эмиль Золя и русский натурализм («Приваловские миллионы» Д. Н. Мамина-Сибиряка) // Новое литературное обозрение. 2015. № 4 (134). С. 202–220.

плины и была зависима от физиологии, закономерно вызвало интерес у писателей, поскольку давало новые возможности для изучения не только человека, но и социума.⁴ Открытия психолого-физиологических школ в Европе и России, активное изучение психики с опорой на физиологические методы, проникновение гигиенических учений в педагогику нашли особый отклик у Ф. Сологуба.

Формирование устойчивой проблематики произведений и вектор его интересов можно проследить через самые ранние произведения. В незаконченной поэме «Одиночество (история мальчика онаниста)», работа над которой велась с 1880 по 1890 год, и в плане незавершенного психофизиологического очерка «Об одиночестве» Сологуб исследует одну из проблем молодых людей. Вопросы, на которые он стремится найти ответы, Сологуб формулирует следующим образом: «Как происходит одиночество, как оно развивается, как оно действует на человека, как человек и среда действуют на его развитие, что является вследствие его? Какие побочные обстоятельства могут быть с этим связаны?»⁵

Здесь интерес к одиночеству у Сологуба имеет четко очерченные рамки, которые соотносятся с тем, как Золя предписывал обращаться с наблюдаемыми явлениями: концентрироваться не на их причинах, а на том, каким образом они развиваются. Проблема влияния среды для Сологуба также не теряет своей значимости, но, помимо наблюдения и моделирования условий развития рассматриваемого явления, он все же пытается определить, что именно могло послужить отправной точкой его формирования, делая краткие зарисовки об эпизодах, уходящих корнями в детство. Из исследования М. М. Павловой⁶ можно сделать вывод о том, что источником идеи для поэмы и очерка являлись как переживания самого Сологуба, травмы, перенесенные им в юношестве, так и влияние современной медицинской и педагогической литературы, ссылки на которую можно найти в черновых записях. Наблюдательность, которая являлась одним из главных инструментов как для писателя, так и для ученого, по мнению Э. Золя, в Сологубе соединилась с подкованностью в последних и актуальных изысканий в самых разных сферах, что, вероятно, и позволило ему создавать яркие образы героев, которые могут быть любопытны с точки зрения медицины.

Личные переживания, эпизоды из детства, юношества и времен службы в Крестцах Новгородской губернии (1882–1885), Великих Луках Псковской губернии (1885–1889), Вытегре Олонецкой губернии (1889–1892), которые дали учителю Тетерникову не просто, стали предметом напряженных размышлений и творческой переработки как в прозаических, так и в поэтических текстах. Образ неуживчивого, имеющего конфликты с сослуживцами и начальством учителя, подвергающегося клевете, интригам и доносам, нашел свое отражение и в дебютных «Тяжелых снах», и в «Мелком бесе», но их центральные образы имеют совершенно разное наполнение. Если в первом случае мы можем говорить о сближении лирического и авторского «я», то во втором тип героя был позаимствован из окружающей Сологуба действительности. Как известно из ряда исследований, прототипом для Ардальона Борисовича Передонова стал учитель русского языка и словесности Иван Иванович Страхов (1853–1898), с 1882 года служивший в Великих Луках.⁷ История помешательства Страхова легла в основу

⁴ О роли экспериментального метода в выделении психологии в самостоятельную дисциплину пишет В. А. Барабанщиков: «Благодаря институализации, проведенной В. Вундтом на основе экспериментального метода (первая психологическая лаборатория, официально открытая в 1879 году, в 1882-м преобразована в Институт экспериментальной психологии при Лейпцигском университете), психология выделилась в самостоятельную дисциплину, а позднее вошла в число фундаментальных наук» (Барабанщиков В. А. Экспериментальный метод в психологии // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 1. С. 7).

⁵ Цит. по: Павлова М. М. «Одиночество» и «Об одиночестве» Ф. К. Тетерникова: ранняя поэма и психофизиологический очерк Федора Сологуба // Новое литературное обозрение. 2002. № 3 (55). С. 8.

⁶ Подробнее см.: Там же. С. 5–14.

⁷ О прототипах и творческой истории романа см.: Улановская И. Ю. О прототипах романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Русская литература. 1969. № 3. С. 181–184; Павлова М. М. Творческая история романа «Мелкий бес» // Сологуб Ф. Мелкий бес. СПб., 2004. С. 643–696 (сер. «Литературные памятники»).

романа и послужила непосредственным импульсом к его замыслу, что позволяет рассматривать ее в том числе как художественно осмысленную историю болезни.

Выверенность, с которой описывается состояние Передонова, может указывать на то, что Сологуб, работая над романом, не просто опирался на «натуру», но и педантично сверялся с актуальными исследованиями в поле психиатрии. Влияние трудов основателя московской экспериментальной психологической лаборатории С. С. Корсакова, чьи работы были известны широкой публике в 1880–1890-е годы, отмечает и О. Сконечная, рассматривая «Тяжелые сны» и «Мелкого беса» в качестве параноидального романа.⁸

В случае дебютных «Тяжелых снов» параноидальная составляющая присутствует, но не как центральная, а как второстепенная, характеризующая отношение общества к странному и чужеродному Логину. В «Мелком бесе» параноидальное искажение восприятия реальности и самого себя — основа Передонова, главная особенность сознания, через преломление которого показан фикциональный мир произведения.

Анализ протагониста, его внутреннего мира, механизмов восприятия действительности, системы его отношений с другими персонажами в случае романов Сологуба кажется продуктивным. Его романы строятся вокруг одной главной фигуры, что было отмечено А. С. Долининым, который указывал на замедленность и сосредоточенность прозы Сологуба, концентрирующегося на анализе и подробном разборе одного-единственного явления: «...Сологуб любит возиться только с одним моментом, с одним каким-нибудь душевным состоянием героя — пусть даже самым важным, но все же только одним, — любит, я бы сказал — если это только может быть применимо к явлениям душевной жизни, — статику, а не динамику. Недаром же у нас создается такое впечатление, что люди его взяты как бы вне условий пространства и времени, вне какой бы то ни было связи с их прошлым, с той жизнью „по-старому“, если сказать, с теми причинами, которые породили это состояние, создали данный центральный момент».⁹

Данная Долининым характеристика подхода Сологуба созвучна с основными положениями эссе Золя. Читателю ничего не известно ни о детстве, ни о родителях, ни о взрослении Передонова. Все его черты группируются в симптомокомплекс, в центре которого исследуемая писателем патология, а вокруг та питательная и идеальная среда, которая позволяет ей встать в полный рост, продемонстрировать все ее грани, чтобы препарировать душевную болезнь, в то время как о причине ее зарождения мы можем лишь догадываться.

Статичность, которую Долинин особенно выделяет в прозе Сологуба, охватывает событийный уровень романа. Все действия героев подчеркнуто повседневные, бытовые, мелкие, а конфликты базируются на желании устроить свою жизнь, урвать кусок побольше. Здесь нет места героям-идеологам, размышляющим о вечном и важном. А галерея разнообразных образов-типов, ярко показанная Гоголем, творчество которого достаточно явно повлияло на стиль Сологуба, сливается в однообразный фон. В «Мелком бесе» усреднены все герои, они находятся на одном уровне, барахтающиеся в повседневной суете мелочных интересов и низких страстей. Выделение Передонова из общей массы обусловлено выбором автора, его желанием исследовать внутреннее устройство психопата конкретного типа, и именно в психологическом уровне скрывается вся динамика романа, концентрирующаяся вокруг внутреннего движения и прогрессирования болезни.

Следующий некоторым заветам позднего натурализма и усвоивший основные уроки Золя, Сологуб подходит к изображению помешательства со всей серьезностью. Впечатление, что в романе демонстрируется «сразу определенная душевная организация, которая не движется, не меняется, а, раз данная, только проявляется, и всегда одинаково»,¹⁰ обманчиво. Развитие болезни разделено на довольно четкие этапы, в со-

⁸ См.: Сконечная О. Русский параноидальный роман: Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. М., 2015. С. 8–9.

⁹ Долинин А. С. Отрешенный (К психологии творчества Федора Сологуба) // Долинин А. С. Достоевский и другие. Л., 1989. С. 428–429.

¹⁰ Там же. С. 433.

ответствии с тем, как определял их С. С. Корсаков, но в процессе чтения изменение состояния Передонова отследить оказывается очень сложно в первую очередь из-за того, что главный герой сразу представляется читателю «во всей красе», с фиксированным набором негативных и ярких личностных качеств. Но, если сравнить неприятного сутягу из начала романа и помешанного убийцу, каким Передонов предстает в последней главе, — разница будет очевидна. Каким же образом Передонов приходит к такому концу?

Мотив одиночества и отстраненности от мира и самой жизни является одним из самых устойчивых во всем творчестве Сологуба и в «Мелком бесе» эволюционирует в подозрительность, которая полностью захватывает Передонова. Он оказывается в замкнутом пространстве собственного больного сознания, которое раз за разом находит новые подтверждения враждебности окружения и видит предзнаменования поджидающей за каждым углом угрозы. Интерпретация намерений, действий, реакций других как заведомо агрессивных и враждебных определяет параноидное мышление, которое характерно для ряда заболеваний, начиная с параноидного расстройства личности и заканчивая шизофренией.

Сам термин «паранойя», обозначающий психотическое состояние с систематизированным интерпретативным бредом разного содержания, по одной из версий, введен Карлом Людвигом Кальбаумом в 1863 году. Позднее, в своей обобщающей работе «Клинико-диагностические точки зрения в психопатологии» (1878), Кальбаум — родоначальник клинико-нозологического направления в психиатрии, внес паранойю в свою классификацию психических болезней.

Обозначенная патология вызвала интерес исследователей и до Кальбаума, однако существование целой группы схожих состояний значительно затрудняло выделение паранойи в отдельную болезнь. Еще большую сложность в дифференциации составляли различия в характере течения (хроническая или острая форма) и в последствиях болезни, которые тоже не были однородны по тяжести дефектов психики. Потому немецкие психиатры использовали термин «Verrücktheit» для определения схожих форм расстройств с бредовыми идеями.¹¹

В рамках данной работы патологическая составляющая изображаемого Сологубом характера будет обозначена, но не будет иметь принципиального значения, поскольку постановка диагноза или даже попытка имитации какого-либо заключения в отношении фикционального, пусть и имеющего реальный прообраз, персонажа невозможна и в целом не имеет особого смысла. Однако определить точку, отделяющую вариант проявления черт личности от болезни, кажется не бесполезным для понимания тонкостей внутренней жизни человека, которую демонстрирует Сологуб в своих текстах.

В начале романа Передонов, как уже было обозначено выше, обладает комплексом личностных качеств, далеких от положительных. Он эгоистичен, скуп, жесток, груб, не способен на привязанность и добрые чувства, все его эмоции «вялые» и «тусклые», а радость ему способны доставить лишь акты разрушения, насилия, порчи и издевательств, но даже радость его кратковременна и быстро сменяется скукой и неудовольствием. По ходу всего романа основной эмоцией Передонова помимо страха, недовольства и злой тусклой радости является тоска, которая преследует его постоянно: «Как всегда при возвращении домой, Передонова охватили неудовольствие и тоска».¹² Одиночество и оторванность от мира увеличивают степень его переживаний: «Дорогою он думал тоскливо, что везде, всегда, все над ним только смеются, никто не хочет ему помочь. Тоска теснила его грудь».¹³

Характерная для первичного помешательства «тупость чувства»,¹⁴ отмечаемая Корсаковым, как и неспособность проникнуться интересами других людей, легко

¹¹ Подробнее об истории изучения паранойи в XIX веке см.: Там же. С. 223.

¹² Сологуб Ф. Мелкий бес. С. 21.

¹³ Там же. С. 187.

¹⁴ Корсаков С. С. Курс психиатрии. М., 1893. С. 392.

просматривается в большинстве реакций Передонова. Его интерпретации тех или иных событий с первой же главы пронизаны недоверием и опаской, реакции замедлены и притушены: «Передонов подумал и вдруг захотел. Он всегда не сразу отзывался на то, что казалось ему смешным, — медленны и тупы были его восприятия».¹⁵

Сосредоточенность на действиях и словах окружающих, выраженный страх перед их враждебными замыслами, которые демонстрирует Передонов в первой же главе, можно расценивать как начало процесса развития системы бреда, представляющей собой переработку жизненных переживаний с возникновением тенденции оценивать и истолковывать опыт исключительно с субъективной точки зрения в зависимости от своих желаний или опасений. В результате изменений восприятия формируется бредовое мирозерцание и происходит выдвигание на первый план той или другой ложной точки зрения, становящейся центром, вокруг которого вращается вся жизнь больного. Поэтому Карл Леонгард в работе, посвященной акцентуированным личностям (1976), параноический тип называет застревающим, так как его основой является патологическая стойкость аффекта. Для Передонова главным событием, вокруг которого вращаются все переживания, становится желание получить место инспектора по протекции княгини. Хотя недоверие к ближним (например, подозрение Варвары в желании отравить) изначально не имеет привязки к этому триггеру, но по мере продвижения сюжета тоже присоединяется к общему комплексу выкристаллизовывающегося бреда.

Описывая первичное помешательство или первичное сумасшествие (*Paranoia primaria s. primordialis*), Корсаков отмечает, что при параноии сохраняется способность связать ложные выводы в цельную и последовательную систему, формированию которой способствует неверная оценка окружающего. Бред оценки и бред значения характеризуются восприятием любого действия как акта, направленного непосредственно на параноика и имеющего определенный смысл, содержащий намек или сообщающий некоторое отношение окружающих к больному. Как пишет П. Б. Ганнушкин в своей работе «Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика» (1933), центральная сверхценная идея параноика — мысль об особом значении собственной личности. Его мир оказывается замкнут на самом себе, а любое взаимодействие с другими людьми и их реакциями рассматривается исключительно сквозь призму своего «я»: «Марта шепотом заговорила с братом. Оба они смеялись. Передонов подозрительно поглядывал на них. Когда при нем смеялись и он не знал, о чем, он всегда предполагал, что это над ним смеются».¹⁶

В этой связи нужно сказать и о способности параноика во всем видеть намеки, символы и знаки. Даже самая незначительная мелочь может быть воспринята как скрытая угроза. Уже в первой главе показателен эпизод с Володиным, в котором он упоминает кутью — угощение для поминания. Вместе с шутками о возможности брака Володина и Варвары несколько безобидных фраз в сознании Передонова превращаются в коварный план его убийства и подмены с целью получения заветного места: «Шутки Преполовенской дали новый оборот медленным мыслям Передонова; да и ерлы крепко засели в его голове. С чего это Володин выдумал такое кушанье? Передонов не любил размышлять. В первую минуту он всегда верил тому, что ему скажут. Так поверил он и влюбленности Володина в Варвару. Он думал: вот окутят с Варварой, а там, как поедут на инспекторское место, отравят его в дороге ерлами и подменят Володиным: его похоронят как Володина, а Володин будет инспектором. Ловко придумали!»¹⁷

Исходя из вышеперечисленных признаков становится понятно и своеобразное отношение Передонова к юмору — он просто не способен его воспринимать, интерпретируя любую шутку как нападение, оскорбление или намек на враждебный замысел.

Помимо тоски и общей угнетенности чувств наиболее яркими эмоциями, во власти которых оказывается Передонов, являются страх и ужас. Как и любой параноик,

¹⁵ Сологуб Ф. Мелкий бес. С. 16.

¹⁶ Там же. С. 18.

¹⁷ Там же. С. 26–27.

Передонов живет с ужасом ожидания возможного вреда. Уровень подозрительности по мере сюжета увеличивается, так же как и интенсивность переживания опасений и страха. На начальном этапе Передонов страшится осмеяния, слухов, клеветы, доносов и обмана. Система бреда продолжает уточняться, захватывая все больше пространства, быстро расширяя границы. Если изначально подозрения в дурных помыслах приписывались ближайшему окружению — Варваре и Володину, уже в пятой главе Передонов добавляет еще несколько лиц, которые хотят помешать ему получить желанный пост либо занять его место: «И другие были в городе люди, — как заметил в последние дни Передонов, — которые враждебны ему и хотели бы помешать его назначению на инспекторскую должность. Вот Володин: недаром он все повторяет слова „будущий инспектор“. Ведь бывали же случаи, что люди присваивали себе чужое имя и жили себе в свое удовольствие. Конечно, заменить самого Передонова Володину трудненько, — да ведь у дурака, такого, как Володин, могут быть самые нелепые затеи. И еще Рутиловы, Вершина со своею Мартою, сослуживцы из зависти — все рады ему повредить. А как повредить? Ясное дело, опорочат его в глазах у начальства, выставят человеком неблагонадежным».¹⁸

Далее подозрения распространяются, охватывая не только знакомых, но и вообще всех жителей города, внимание которых, по мнению Передонова, сосредоточено на нем и на желании уличить его в чем-то, подставить, оболгать. Подобное мироощущение усиливает чувство одиночества до непереносимого уровня, культивируя нервное напряжение, обостряя тоску и ощущение безысходности: «Везде люди жили чужие, враждебные Передонову, и иные из них, может быть, и теперь злоумышляли против него. Может быть, уже кто-нибудь дивился, зачем это Передонов один в такой поздний час и куда это он идет. Казалось Передонову, что кто-то выслеживает его и крадется за ним. Тоскливо стало ему».¹⁹

Рассмотренные пункты, затрагивающие разные аспекты личности Передонова и искажения его восприятия, можно сопоставить с тем, как Корсаков описывает этапы развития типического бреда преследования, который является одним из видов первичного помешательства. Так, мы видим все приметы первого периода развития болезни — периода беспокойства, который определяется обострением подозрительности и обидчивости, вниманием к реакциям и действиям других людей, намекам. В дальнейшем даже бытовые действия начинают вызывать у Передонова страх за свою жизнь (например, вид Варвары с ножом в руке), но он все еще может продолжать работать, общаться, жить обычной жизнью.

Следующей стадией становится период бреда преследования, при котором все намеки и опасения складываются в систему и «проясняются» для Передонова. Чувство тревоги и тоски теперь находят обоснование, недоверчивость кажется совершенно оправданной. На этом этапе параноик может начать предпринимать активные действия для обеспечения безопасности, но «охранительный период» может быстро смениться агрессивным. Так, Ганнушкин отмечает, что, видя причину своих несчастий в определенных личностях, параноик считает необходимым мстить; он злопамятен, не прощает, не забывает ни одной мелочи. В борьбе за свои права параноик проявляет большую находчивость: очень умело отыскивает себе сторонников, убеждает всех в своей правоте, бескорыстности, справедливости, что и пытается сделать Передонов, доказывая свою благонадежность перед наиболее значимыми лицами города.

С развитием расстройства психики страх становится все более масштабным и конкретным — в каждом слове, взгляде мерещится реальная угроза, поэтому убеждения других и удовлетворяющие ранее способы защиты от недоброжелателей уже кажутся недостаточными. Современные психологи и психиатры обращают внимание на агрессивность параноидальных личностей. Нэнси Мак-Вильямс в работе «Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе» (1994) отмечает, что они гораздо менее суицидальны, чем депрессивные пациенты, но могут

¹⁸ Там же. С. 52.

¹⁹ Там же. С. 98.

и убить себя, чтобы опередить кого-то, чаще всего воображаемого. Обороняясь, они всегда переходят в нападение и, отражая воображаемые ими обиды, сами, в свою очередь, наносят окружающим вред, этому паттерну следует и герой Сологуба: «Передонов решил защищаться. Он каждый день составлял по доносу на своих врагов: Вершину, Рутиловых, Володина, сослуживцев, которые, казалось ему, метили на то же самое место».²⁰

Пристрастие к доносам и жалобам Корсаков выносит в качестве отдельного вида первичного сумасшествия — сутяжного помешательства (*Paranoia quaerulens*), которое связывает с врожденными особенностями характера. Однако в случае Передонова сутяжничество не является самоцелью, а лишь инструментом самозащиты, к которому можно отнести и привычку чураться, ведь страх у Передонова вызывали не только реальные действия окружающих, но и магические способы воздействия.

Признаки третьего этапа — периода бреда величия — выделить сложно, поскольку на протяжении всего романа Передонов считает себя выше других, относясь с пренебрежением к каждому, исключая лишь лица более высокого социального статуса, что заметно из разницы в форме уважительного обращения к ученикам дворянского происхождения. Повышенное чувство собственного достоинства, вступающее в противоречие с требованиями жизни, рассматривается как один из источников формирования бреда, что формально может дать нам право определить его скорее как личное качество Передонова, которым Сологуб наделил его исходя из особенностей личности прототипа или из авторского замысла. Однако мысли и фантазии, схожие по содержанию с бредом величия, все же оформляются достаточно отчетливо: «Господин инспектор второго района Рубанской губернии, — бормотал он себе под нос, — его высокородие, статский советник Передонов. Вот как! Знай наших! Его превосходительство, господин директор народных училищ Рубанской губернии, действительный статский советник Передонов. Шапки долой! В отставку подавайте! Вон! Я вас подтяну!»²¹

Следующий за этим период слабоумия, выделяемый Корсаковым, во время которого аффективная реакция на бред значительно уменьшается, сменяясь апатией, не может быть обнаружен в тексте, поскольку до самого финала внутреннее напряжение Передонова лишь нарастает, помешательство достигает пика, толкая на убийство.

Прежде чем вернуться к теме помешательства и рассмотреть один из ключевых симптомов, с появления которого состояние Передонова становится невозможно трактовать иначе как болезнь, опираясь на работу Мак-Вильямс, хотелось бы сказать и о параноидных чертах, под которыми мы понимаем не патологический уровень развития, а те, что присущи и здоровым людям параноидного типа, которые также нашли свое отражение в образе Передонова. Мак-Вильямс указывает на то, что в основе формирования параноидного человека обычно лежит критика и высмеивание слабых качеств, непоследовательность и жестокость наказания со стороны взрослых, которых никак нельзя удовлетворить, а также крайняя степень унижения. Здесь можно заметить прямую параллель с судьбой самого Сологуба, который подвергался насилию и унижению со стороны суровой матери. Мотив сечения и наказания розгами стал одним из определяющих как во всем творчестве Сологуба, так и в «Мелком бесе».

Из постоянного унижения вырастает и подавляющее параноика чувство стыда. Поэтому энергия параноидной личности направляется против тех, кто стремится устыдить или унижить ее. Параноики отражают это унижение, трансформируя любое чувство собственной виновности в угрозу, исходящую извне. Бессознательно они ожидают, что будут разоблачены, и трансформируют страх в постоянные усилия распознать в поведении других злые намерения по отношению к ним и предупредить возможный вред. В этом отношении примечательна сцена с выбором невесты из числа сестер Рутиловых, в каждой из которых Передонов видит угрозу своему «эго»: кокетка-Валерия слишком тонкая, осрамит на весь город, веселая Людмила засмеет, а дерзкая Дарья затормозит. Предсказуемая и безопасная Варвара, позволяющая Передонову жесто-

²⁰ Там же. С. 197.

²¹ Там же. С. 156.

кость, насилие и пренебрежение, остается наиболее привлекательным вариантом не только из-за обещания княгини, но и за счет принятия комфортных для Передонова условий совместного существования.

Возвращаясь к вопросам помешательства, нельзя не сказать о галлюцинациях, наличие которых проводит явную и резкую черту между вариантом пограничных расстройств и психозом. Преобладающим видом галлюцинаций Корсаков называет именно слуховые, зрительные он приписывает религиозным параноикам. Первой оформленной галлюцинацией Передонова является посмеивающаяся, дразнящая «недотыкомка», сочетающая в себе и визуальную и слуховую составляющую. Стоит обратить внимание на то, что Передонов реагирует на ее появление спокойно, рассуждая об уродливой твари как о реальном существе, и уже не способен отделить реальность от бреда: «Да, хорошо, если она совсем укатилась. А может быть, она живет в этой квартире, где-нибудь под полом, и опять станет приходить и дразнить».²²

Нарушение интеллектуальной сферы Передонова вплоть до появления устойчивых эпизодов галлюцинирования не носило жесткий характер. Говоря о медленности и тупости, которые свойственны Передонову, О. Сконечная проводит параллель с описанием «глупости» у Шопенгауэра.²³ Корсаков же указывает на то, что параноики часто способны сохранять способность обдумывать свои поступки, рассуждать и мыслить логически, если предмет их размышлений не касается их бреда. Общее снижение интеллектуальных способностей на первых стадиях может быть незначительным, возможность ориентироваться сохраняется, но «затемнение» сознания может происходить эпизодически, лишая человека возможности сосредотачиваться, концентрироваться и ориентироваться. По мере усугубления состояния, с «наплывом» большого количества бредовых идей и обильных галлюцинаций, ухудшаются и когнитивные способности, и логика заменяется резонерством, которое Ганнушкин определяет как стремление к различного рода отвлеченным построениям, основанным не на изучении того или другого явления, по существу, а на поверхностных аналогиях и сближениях, на игнорировании тех или иных законов логики и на софистических уловках.

Размышления Передонова не обнаруживают склонности к излишней пустой витиеватости, но в них наблюдается искажение уровня обобщения, характеризующееся преобладанием абстрактных понятий, затрагивающее и символическое мышление: «Что это он погрозил доносом Грушиной, спуталось у него в голове в тусклое представление о доносе вообще. Он ли донесет, на него ли донесут — было неясно, и Передонов не хотел сделать усилия припомнить точно, — ясно было одно, что Грушина — враг».²⁴

Испытывая сложности в построении причинно-следственных связей и страдающий «медлительностью» ума, Передонов выхватывает отдельные фразы, слова, которые превращает в угрожающие намеки и которые, тем не менее, сохраняют иллюзию логичности и вытекают из центрального бредового переживания: «Упоминание о крепостях озадачило Передонова. Ему казалось, что Рубовский намекает на то, что может посадить Передонова в крепость».²⁵

Все странности в поведении Передонова были всерьез отмечены только в XIX главе, с которой его помешательство приобретает намного более выраженный характер, а эпизоды галлюцинаций становятся постоянными. Директор, сослуживцы и ученики видят признаки болезни как в поведении, так и во внешнем виде. Лицо Передонова выражает ужас, взгляд его блуждает, высматривая армию доносчиков. Искажение зрительного восприятия рисует перед ним страшные картины: Вершина представляется колдуньей, в баране, встреченном на перекрестке, мерещится Володин, игровые карты ухмыляются и подсматривают, недотыкомка появляется в клубах ладанного дыма и пыли, в небе пролетает глаз-птица, вместо озера чудится грязное зеркало. Мучают и слуховые галлюцинации в виде смеха, шепота. Стиль общения Передонова

²² Там же. С. 102.

²³ Сконечная О. Русский параноидальный роман. С. 94.

²⁴ Сологуб Ф. Мелкий бес. С. 79.

²⁵ Там же. С. 56.

тоже меняется в худшую сторону. Грубости, ранее смягченные и остающиеся в рамках приличий и социальных норм, превращаются в откровенные оскорбления. Ориентация в пространстве, понимание уместности тех или иных действий сменяется очевидной эксцентричностью: «Посторонних в церкви почти не было, — только две-три старушки пришли откуда-то. И хорошо: Передонов вел себя глупо и странно. Он зевал, бормотал, толкал Варвару, жаловался, что воняет ладаном, воском, мужичьем».²⁶

С момента венчания бред Передонова разрастается, галлюцинации становятся постоянными, их интенсивность увеличивается, а в XXV главе достигает пика, к слуховым и визуальным иллюзиям добавляются и обонятельные. Выборочное затемнение сознания, при паранойе носящее временный характер, у Передонова сменяется психотическими симптомами, которые скорее свойственны для больных шизофренией.²⁷

Передонов утрачивает способность логически мыслить, оценивать собственное поведение, любые ориентиры и нормы оказываются стерты, ужас перед inferнальными видениями толкает к мыслям об убийстве. Убийство клопа под обоими, который чудится Передонову, становится своеобразным рубежом. Сам акт убийства, пусть и нереальный, уже совершен в сознании больного, его воля полностью подчинена желанию избавиться от ужаса и преследования, который культивируется не только воображаемыми угрозами, но и насмешливыми замечаниями мстительной Варвары, издевками учеников, шутками сестер Рутюловых. Голос огненной недотыкомки и желание освободиться от ее мучительного присутствия толкают Передонова на поджог клуба, ярость от открывшегося обмана Варвары, переплетаясь со страхом, побуждает к убийству Володина.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что динамичность романа в большей степени достигается за счет изображения болезни Передонова и изменений картины его внутреннего мира. Его страшные видения²⁸ контрастируют с мелкой суетой повседневной жизни, выделяясь яркими причудливыми пятнами среди серости и пошлой обыденности, формируя рисунок изменчивой психической жизни человека.

Сосредоточенность на одном явлении и его всестороннее исследование, на которые указывал Долинин, демонстрируют интерес Сологуба к подходу Золя и применению экспериментального метода в литературном творчестве. Следует отметить, что литературный эксперимент сближается с пониманием эксперимента психологического, так как в обоих случаях целью является получение знания о психических явлениях, к которым можно отнести страсти и пороки (девиации). Своего рода заикленность на чем-то одном в романах Сологуба оказывается в этой связи закономерным приемом, так как эксперимент как метод «предназначен для изучения отдельного психического явления либо его стороны. Иные стороны, а также другие психические явления, несмотря на их взаимосвязь, как бы выносятся „за скобки“ и специально не рассматриваются».²⁹ Реконструкция процессов внутреннего мира происходит за счет моделирования и изменения условий, влияющих на героя. В «Мелком бесе» среда становится не просто фоном, а прочие фигуры не только способствуют продвижению сюжета, но являют-

²⁶ Там же. С. 184.

²⁷ Мы не проводим строгую черту между паранойей и шизофренией, отодвигая последнее расстройство в сторону по одной причине: в современной медицине галлюцинации во время активной фазы приписываются шизофреническому расстройству, в то время как основным симптомом паранойи является бред, но в конце XIX века шизофрения не была исследована в должной мере, дифференциация тех или иных симптомокомплексов все еще носила не столь ясный характер. Развитие болезни Передонова как переход от паранойяльного бреда к параноидному, а затем к шизофреническому бреду рассматривает В. П. Руднев: *Руднев В. П. «Мелкий бес» Сологуба: от паранойи к шизофрении // Руднев В. П. Философия языка и семиотика безумия. Избр. работы. М., 2007. С. 396–411.*

²⁸ Склонность к воспроизведению болезненных состояний Сологуба и его первенство в изображении «психофантазмов» подчеркивает Н. Ю. Грякалова: *Грякалова Н. Ю. Психопатия как прием // Грякалова Н. Ю. Человек модерна: биография — рефлексия — письмо. СПб., 2008. С. 62–75.*

²⁹ *Барabanщиков В. А. Экспериментальный метод в психологии. С. 5.*

ся одним из основополагающих факторов внутренних изменений Передонова. Город и его жители наполнены злобой, мелочностью, завистью и греховностью, попадая в эту губительную среду, даже самым светлым и невинным — детям, таким как Саша Пыльников, невозможно спастись, не упав в бездну пороков и грязи. Так и трагедия одинокого помешанного человека, запутавшегося в бесполезной гонке за умозрительными благами и положением, оканчивается духовным упадком и душевной гибелью.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-1-171-183

ВЛАДИМИР ГИППИУС. ПРИВЕТ ПОЭТУ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Г. В. ПЕТРОВОЙ)*

Творческая биография Владимира Васильевича Гиппиуса (1876–1941) для современного исследователя продолжает оставаться нерешенной задачей. Имя Вл. Гиппиуса как поэта и педагога иногда упоминается в историко-литературных исследованиях, отчасти благодаря авторитету Брюсовской характеристики его как «человека победы» и будущей знаменитости,¹ отчасти благодаря воспоминаниям О. Э. Мандельштама о пережитом в годы учебы в Тенишевском училище особом влиянии его, «формовщика душ и учителя для замечательных людей».² При этом критическое наследие Вл. Гиппиуса до настоящего дня остается фактически вне поля зрения литературоведов.

Определенный прорыв обозначился в конце 2010-х — начале 2020-х годов, когда усилиями прежде всего Ю. А. Рыкуниной был опубликован ряд материалов из личного архива Вл. Гиппиуса, хранящегося в Рукописном отделе ИРЛИ РАН.³ В этом ряду находятся и публикации, вошедшие в состав научного сборника в серии «Русские поэты XX века: материалы и исследования», посвященного Вл. Гиппиусу и его младшему брату Василию.⁴ Следует отметить и более ранние статьи и публикации Евг. Биневица,⁵

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00638, <https://rscf.ru/project/25-28-00638/>, ИРЛИ РАН.

¹ Ср. с дневниковой записью Брюсова от 7 апреля 1896 года: «Вл. Гиппиус — о, это человек победы! Он горд и смел и самоуверен. Через год он будет читаться, через пять лет он будет знаменитостью. Исполать ему» (*Брюсов В. Дневники. 1891–1910* / Пригот. к печати И. М. Брюсова; прим. Н. С. Ашукина. [М.]: Издание М. и С. Сабашниковых, 1927. С. 24).

² *Мандельштам О. Шум времени* / Предисловие А. Г. Битова; прим. А. А. Морозова; подг. текста С. В. Василенко и А. А. Морозова. М., 2002. С. 70. См. в данном издании главу «В не по чину барственной шубе» (Там же. С. 83–88).

³ См.: *Рыкунина Ю. А.* 1) «Книга дело — личное и, конечно, в России совершенно бескорыстное». Письма Владимира Гиппиуса Брюсову (1897–1912) // Тихие песни. Историко-литературный сборник к 80-летию Л. М. Турчинского. М., 2014. С. 308–328; 2) Владимир Гиппиус об акмеистах: «Учителя и ученики» // Литературный факт. 2017. № 5. С. 207–224; 3) К биографии Владимира Гиппиуса // Там же. 2020. № 1 (15). С. 193–212; 4) Владимир Гиппиус о Мандельштаме, Ахматовой и литературных поколениях // Там же. № 4 (18). С. 326–340; *Гиппиус Вл.* Золотой век. Из писем к иностранцу / Вступ. статья, подг. текста и комм. Ю. А. Рыкуниной // Русская литература. 2018. № 1. С. 99–127; Письма З. Н. Гиппиус к Вл. В. Гиппиусу: 1898–1914 / Вступ. статья, подг. текста и комм. Ю. А. Рыкуниной // Лит. наследство. 2018. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус / Сост. Н. А. Богомолов и М. М. Павлова. Кн. 1. С. 441–476.

⁴ См.: *Русские поэты XX века: материалы и исследования. Владимир Гиппиус (1876–1941); Василий Гиппиус (1890–1942)* / Отв. ред. Г. В. Петрова. М., 2024. С. 67–73, 179–269, 281–294.

⁵ *Биневиц Евг.* 1) Александр Блок и братья Гиппиусы // Искусство Ленинграда. 1991. № 8. С. 95–108; 2) Братья по крови и по перу // Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе (1941–1944). СПб., 1996. С. 190–212; *Гиппиус Вл.* О самом себе / Подг. текста, публ., послесловие Евг. Биневица // Петрополь. Литературная панорама. 1993–1996. СПб., 1996. С. 119–132.

23. Ю. И. Айхенвальд в газете «Руль» (1922–1928): В 2 кн. / Сост., предисловие, комм. И. В. Кочергиной при участии Д. В. Зуева. М., 2022.

References

1. *Aikhenval'd Iu.* Siluety russkikh pisatelei: V 2 t. M., 1998. T. 1.
2. *Bogomolov N. A.* «Vokrug „Serebrianao veka“»: stat'ii i materialy. M., 2010.
3. *Bogomolov N. A.* Kak delaiutsia vospominaniia // *Novyi mir.* 2017. № 7.
4. *Briusov V.* Dnevnik. Avtobiograficheskaia proza. Pis'ma. M., 2002.
5. *Briusov V. Ia.* Perepiska s S. A. Poliakovym (1899–1921) / Vstup. stat'ia i komm. N. V. Kotreleva; publ. N. V. Kotreleva, L. K. Kuvanovoi i I. P. Iakir // *Lit. nasledstvo.* T. 98. Kn. 2.
6. *Briusov V. Ia.* Pis'ma iz rabochikh tetradei / Vstup. stat'ia, publ. i komm. S. I. Gindina // *Lit. nasledstvo.* 1991. T. 98. Valerii Briusov i ego korrespondenty: V 2 kn. Kn. 1.
7. D. S. Merezhevskii / Publ. M. Iu. Korenevoi // *Nasledie Aleksandra Veselovskogo: issledovaniia i materialy.* SPb., 1992.
8. *Gaponenkov A. A.* Zhurnal «Russkaia Mysl'» 1907–1918 gg.: redaktsionnaia programma, literaturno-filosofskii kontekst. Saratov, 2004.
9. Iu. I. Aikhenval'd v gazete «Rul'» (1922–1928): V 2 kn. / Sost., predislovie, komm. I. V. KocherGINoi pri uchastii D. V. Zueva. M., 2022.
10. *Khodasevich V. F.* Sobr. soch.: V 4 t. M., 1997. T. 4.
11. *Kholikov V. Ia.* Merezhevskii i Briusov v sporakh o L. N. Tolstom // *Briusovskie chteniia 2006 goda.* Erevan, 2007.
12. *Krylov V. N.* «Filosofskie techeniia russkoi poezii» P. P. Pertsova kak model' religiozno-filosofskogo istolkovaniia russkoi klassiki v serebrianao veke // *Filologiiia i kul'tura.* 2013. № 2 (32).
13. *Kul'ius S. K.* Formirovanie esteticheskikh vzgliadov V. Ia. Briusova i filosofii Leibnitsa // *Tipologiiia literaturnykh vzaimodeistvii.* Tartu, 1983 (Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta; vyp. 620).
14. *Losev A. F.* Vladimir Solov'ev. Ot sotsial'no-istoricheskogo utopizma k apokaliptike / Publ. i komm. A. A. Takho-Godi // *Kontekst: Literaturno-teoreticheskie issledovaniia.* M., 1993.
15. *Molodiakov V. E.* Valerii Briusov. Bud' mramorom. M., 2020 (ser. «Zhizn' zamechatel'nykh liudei»).
16. Perepiska Z. N. Gippius, D. S. Merezhevskogo, D. V. Filosofova s V. Ia. Briusovym (1901–1903 gg.) / Publ. i podg. teksta M. V. Tolmacheva; vstup. stat'ia i komm. T. V. Vorontsovoi // *Rossiiskii literaturovedcheskii zhurnal.* 1994. № 5/6.
17. *Pomirchii R. E.* Iz ideinykh iskanii V. Ia. Briusova (Briusov i Leibnits) // *Briusovskie chteniia 1971 goda.* Erevan, 1971.
18. *Rozanov I. N.* Vstrechi s Briusovym // *Lit. nasledstvo.* 1976. T. 85. Valerii Briusov.
19. *Sorokina V. V.* Formirovanie literaturnoi kritiki Russkogo Zarubezh'ia: berlinskii period. Dis. ... doktora filol. nauk. M., 2011.
20. *Takho-Godi E. A.* «Estestvennyi simbolizm» Iuliiia Aikhenval'da (k voprosu ob esteticheskom metode) // *Russkaia literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnoi epokhu: formy vzaimodeistvii i metodologiiia analiza.* M., 2021.
21. Valerii Briusov — istorik literatury: perepiska s P. I. Bartenevym i N. O. Lernerom / Podg. N. A. Bogomolov i A. V. Lavrov. M., 2019.
22. Valerii Briusov i Petr Struve. Perepiska. 1906–1916. SPb., 2021.
23. *Zaitsev A. D.* Petr Ivanovich Bartenev i «Russkii arkhiv». M., 2013.

Екатерина Витальевна Хмырова

аспирантка Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Ekaterina Vitalyevna Khmyrova

Post-Graduate Student, Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences

ORCID: 0009-0001-5334-2368

hmyrova.ecaterina@yandex.ru

**PARANOIA PRIMARIA:
ДИНАМИКА БОЛЕЗНИ АРАДЛ'ОН БОРИСОВИЧА ПЕРЕДОНОВА
В СВЕТЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО МЕТОДА**

**PARANOIA PRIMARIA:
DYNAMICS OF ARDAL'ON BORISOVICH PEREDONOV'S DISEASE
IN THE LIGHT OF THE EXPERIMENTAL METHOD**

Статья посвящена психопатологическому аспекту романа Ф. Сологуба «Мелкий бес». Подробное описание душевного недуга составляет скрытую динамику текста, которая может быть связана с влиянием подхода Э. Золя на творчество Сологуба в 1880–1890-е годы. В статье анализируется точность изображения психологических особенностей главного героя.

Ключевые слова: экспериментальный метод, паранойя, психология, Ф. Сологуб, психиатрия.

The article deals with the psychopathological aspect of F. Sologub's novel *The Petty Demon*. A detailed description of a mental illness highlights the hidden dynamics of the text, that might be associated with the influence of E. Zola on Sologub's work in the 1880s and 1890s. The article analyzes the accuracy of the depiction of the main character's psychological traits.

Key words: experimental method, paranoia, psychology, F. Sologub, psychiatry.

Список литературы

1. Барabanщиков В. А. Экспериментальный метод в психологии // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 1.
2. Грякалова Н. Ю. Психопатия как прием // Грякалова Н. Ю. Человек модерна: биография — рефлексия — письмо. СПб., 2008.
3. Долинин А. С. Отрешенный (К психологии творчества Федора Сологуба) // Долинин А. С. Достоевский и другие. Л., 1989.
4. Есин В. И. Парижские письма Э. Золя в журнале «Вестник Европы» // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2014. № 6.
5. Корсаков С. С. Курс психиатрии. М., 1893.
6. Николози Р. Эксперименты с экспериментами. Эмиль Золя и русский натурализм («Приваловские миллионы» Д. Н. Мамина-Сибиряка) // Новое литературное обозрение. 2015. № 4 (134).
7. Павлова М. М. «Одиночество» и «Об одиночестве» Ф. К. Тетерникова: ранняя поэма и психофизиологический очерк Федора Сологуба // Новое литературное обозрение. 2002. № 3 (55).
8. Павлова М. М. Преодолевающий золаизм, или Русское отражение французского натурализма // Русская литература. 2002. № 1.
9. Павлова М. М. Творческая история романа «Мелкий бес» // Сологуб Ф. Мелкий бес. СПб., 2004 (сер. «Литературные памятники»).
10. Руднев В. П. «Мелкий бес» Сологуба: от паранойи к шизофрении // Руднев В. П. Философия языка и семиотика безумия. Избр. работы. М., 2007.
11. Скопечная О. Русский параноидальный роман: Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. М., 2015.
12. Улановская И. Ю. О прототипах романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Русская литература. 1969. № 3.

References

1. Barabanshchikov V. A. Eksperimental'nyi metod v psikhologii // Eksperimental'naia psikhologiya. 2011. T. 4. № 1.
2. Dolinin A. S. Otreshennyi (K psikhologii tvorchestva Fedora Sologuba) // Dolinin A. S. Dostoevskii i drugie. L., 1989.
3. Esin V. I. Parizhskie pis'ma E. Zolia v zhurnale «Vestnik Evropy» // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2014. № 6.
4. Griakalova N. Iu. Chelovek moderna: biografiia — refleksiia — pis'mo. SPb., 2008.
5. Korsakov S. S. Kurs psikhiiatrii. M., 1893.
6. Nikolozii R. Eksperimenty s eksperimentami. Emil' Zolia i russkii naturalizm («Privalovskie milliony» D. N. Mamina-Sibiriaka) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2015. № 4 (134).
7. Pavlova M. M. «Odnochestvo» i «Ob odnochestve» F. K. Teternikova: ranniaia poema i psikhofiziologicheskii ocherk Fedora Sologuba // Novoe literaturnoe obozrenie. 2002. № 3 (55).

8. *Pavlova M. M.* Preodolevaiushchii zolaizm, ili Russkoe otrazhenie frantsuzskogo naturalizma // Russkaia literatura. 2002. № 1.
9. *Pavlova M. M.* Tvorcheskaia istoriia romana «Melkii bes» // Sologub F. Melkii bes. SPb., 2004 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
10. *Rudnev V. P.* «Melkii bes» Sologuba: ot paranoi k shizofrenii // Rudnev V. P. Filosofii iazyka i semiotika bezumia. Izbr. raboty. M., 2007.
11. *Skonechnaia O.* Russkii paranoidal'nyi roman: Fedor Sologub, Andrei Belyi, Vladimir Nabokov. M., 2015.
12. *Ulanovskaia I. Iu.* O prototipakh romana F. Sologuba «Melkii bes» // Russkaia literatura. 1969. № 3.

Галина Валентиновна Петрова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Galina Valentinovna Petrova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-4956-2293

pgv6@yandex.ru

ВЛАДИМИР ГИППИУС. ПРИВЕТ ПОЭТУ

VLADIMIR GIPPIUS. HELLO TO THE POET

Публикация вводит в научный оборот критическую статью Вл. В. Гиппиуса о творчестве К. Д. Бальмонта и общественном значении его поэзии. Работа Вл. Гиппиуса откликается на событие литературной жизни, которое до сих пор не освещалось в истории русской литературы: чествование поэта на заседании Всероссийского литературного общества 22 ноября 1913 года. Публикуемая статья Вл. Гиппиуса «Привет поэту» расширяет представления о литературной жизни и развитии русской критики в начале XX века.

Ключевые слова: литературная критика начала XX века, К. Д. Бальмонт, Вл. В. Гиппиус, русский символизм.

The publication introduces into academic circulation an essay by Vl. V. Gippius on the work of K. D. Balmont and the social significance of his poetry into academic circulation. The essay describes a literary event that has not yet been covered in the history of Russian literature: laudation of the poet at a meeting of the All-Russian Literary Society on November 22, 1913. The essay by Vl. Gippius *Hello to the Poet* expands the ideas concerning Russian literary life and the development of the national criticism in the early 20th century.

Key words: literary criticism in the early 20th century, K. D. Balmont, Vl. V. Gippius, Russian Symbolism.

Список литературы

1. *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания. М., 1997.
2. *Бальмонт М. Ю.* 1913 год в жизни и творчестве К. Д. Бальмонта // Солнечная пряжа. Научно-популярный и литературно-художественный альманах. 2013. Вып. 7.
3. *Биневиц Евг.* Александр Блок и братья Гиппиусы // Искусство Ленинграда. 1991. № 8.
4. *Биневиц Евг.* Братья по крови и по перу // Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе (1941–1944). СПб., 1996.
5. *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997–2010. Т. 2, 8.
6. *Брюсов В. К.* Бальмонт. Стихотворения. Издание товарищества «Знание». СПб. 1906. Ц. 3 к. // Весы. Ежемесячник литературы и искусства. 1904–1909: В 4 т. М., 2022. Т. 2. Кн. 1. 1906 год / Сост. Т. В. Игошева, Г. В. Петрова.